

Не плачь ты, мама, не скорби,
что стал сынок твой гайдуком,
гайдук, ты знаешь, – бунтовщик,
оставил, бедную, тебя
в тоске о первенце своем!
Кляни же, мама, проклинай
ты за изгнание – врагов,
на что нас, юных, обрекли.
Чужбина стала кровом нам, –
мы не милы, скитальцы, ей!
Но знаю, мама, мил тебе,
раз так боишься за меня...
Уже мы завтра перейдем
спокойный белый наш Дунай!
Ну что поделаешь теперь,
коль сына, мама, родила
с юнацким сердцем боевым, –
оно не может не пылать,
пока беснуются враги,
поганя мой родимый дом:
где я мужчиной вырастал,
к груди твоей там припадал,
и где любимая моя,
с улыбкой кроткой на лице,
очами черными пленила –
и сердце скорбное твое;
и братья там мои с отцом
переживают за меня!..
Ах, мама милая моя,
прости бойца и прощай! –
уже винтовка на плече, –
на глас народный я спешу,
на смерть безбожному врагу.
Я – за любимую мою,
за всех, за вас – мою семью –
оружье взял.
А, там уж... сабля пусть покажет –
достоин ли юнак ее!
А если вдруг услышишь ты –
пропела пуля над селом,
и молодцы мои кругом, –

ты выйди, мама, и спроси,
что им известно обо мне?
Коль скажут – пулей я сражен,
прошу тебя, – не плач тогда,
не верь, кто скажет обо мне:
«Тебе опорой не был он».
Ступай, родимая, домой,
и сердце ты свое открой, –
и младшим братцам расскажи –
пусть брата помнят своего,
и знают как, за что погиб,
что унижений не терпел,
что гордо голову носил,
и не склонял перед врагом.
Скажи им, мама, – помнят пусть
и ищут брата своего,
то, что осталось от него:
среди скал, где селятся орлы,
а кровь, – кипучую как смоль, –
в больной истерзанной земле.
И пусть ружье они найдут
и саблю верную мою.
А коль увидят где врага, –
что ж, – поприветствуют его
свинцом
и сталью, следом, приласкают...
А, если же, мама, не сможешь
от горя ты выполнить это, –
когда соберутся девицы
перед крыльцом, на хоро,
и будут мои погодки,
любовь моя, с нею – подружки, –
ты выйди к ним, мама, все же,
и, с братьями вместе, послушай
юнацкую песню мою.
Узнаешь о том, как погиб я,
какие слова промолвил –
перед смертью, перед дружиной...
Я знаю, тебе будет тяжело
все это веселье видеть.
А встретитесь взглядом с милой –

вы обе печально вздохнете:
два чудных разбитых сердца, –
желанной моей и твое!
И слезы горючие капнут
на старую грудь и младую...
Все это пусть братья увидят,
а время придет – возмужают,
и будут, как я, – беззаветно
любить и врагов ненавидеть...

А если же, мама родная,
вернусь я живой и здоровый,
со знаменем нашим священным,
с друзьями моими лихими,
в завидной военной одежде,
да с грозными львами на шапках,
на плечах – старинные ружья,
у пояса – сабельки-змеи... –
Могу лишь представить, что будет
тут с вами,
с тобой и с любимой!
Бегите, цветы собирайте,
нарвите плюща и герани,
плетите венки, украшайте
вы головы наши и ружья...
Вот вижу: идешь ты с букетом,
прильнула ко мне и целуешь,
на лбу прочитав мою клятву:
два слова – святых и заветных –
Достойная смерть и свобода!
Я тут же любовь пригрею,
и руку к груди прижму я,
чтоб слышала голос сердца,
отважного сердца юнака...
И плач заглушу поцелуем,
и высушу слезы губами.
А после... Прощай, моя мама,
и помни, любовь, обо мне!

...И тронулась с Богом дружина,
а путь ее страшен, но славен;

я, может быть, юным погибну...
Но хватит вполне мне награды, –
что скажет народ мой однажды:
«Он умер, бедняга, за правду,
за правду и за свободу»...